

*The
Andrej Belyj
Society*

Newsletter

Number 6

1987

THE ANDREJ BELYJ SOCIETY NEWSLETTER

Number 6

1987

The Andrej Belyj Society Newsletter

Printed and bound
at Texas A&M University
Typeset and Composed at The Sunnyside Press

Editor: Olga Muller Cooke

Subscriptions: individuals, \$5.00 per year; and
institutions, \$10.00 per year. For subscribers
outside the USA, \$6.00 per year. The same rates
apply for back issues. Checks should be made
payable to: The Andrej Belyj Society.

All communications should be sent to:

Olga Muller Cooke
Department of Modern Languages
Texas A&M University
College Station, Texas 77843
(409) 845-2198

ISSN 0743-2410

CONTENTS

A Note from the Editor	3
The Seventh Annual Belyj Society Meeting	4
Andrej Belyj's "Žezl Aarona" in Light of the Phonemic Distinctive Features Abstract by M. Benjamin Rifkin	5
Why Does Apollon Apollonovič Go for a Walk: An Aeschylean Parallel Abstract by Peter I. Barta	7
Humor, Nonsense and Neologism in <i>Peterburg</i> : Belyj's Theory of the <i>samovitoe slovo</i> Abstract by Charles Byrd	8
Childhood, Death and the Mind's Grasp on the World of Things: Oleša's "Liompa" and Belyj's <i>Kotik Letaeu</i> Abstract by Anthony Vanchu	9
Gogol's "Strašnaja mest'" and Belyj's Prose Fiction: The Role of Karma Abstract by Olga Muller Cooke	11
Belyj and Steimer: The Berlin Period 1921-1923 Thomas R. Beyer, Jr.	13

Два письма Андрея Белого к Марии Яковлевне
Штейнер-фон Сиверс
Публикация Виктора Б. Федюшина

Reminiscences of Rudolf Steiner
Andrej Belyj and Company

Belyj's Departure for Russia
Assya Turgenieff

Belyj Necrologies from Soviet Newspapers

Ronald E. Peterson, ed. *The Russian Symbolists:
An Anthology of Critical and Theoretical
Writings* (Review by Roger Keys)

Robert Mann, *Andrei Bely's "Peterburg" and the
Cult of Dionysus* (Review by Peter I. Barta)

Andrej Belyj: A Bibliography 1986-1987
Compiled by Julian Graffy

News from the Front

27

35

37

39

59

62

64

71

A Note from the Editor

The evolution of our *Newsletter* continues. With the sixth issue we are beginning to publish book reviews. Based on all the new books arriving, reviews will now become a regular feature, as is the Belyj bibliography, compiled each year by Julian Graffy. We have Maria Carlson of the University of Kansas to thank for the necrologies from various Soviet newspapers, which inform us, incidentally, that Belyj donated his brain to science! Perhaps next year space will permit us to include some of the other necrologies which Professor Carlson offered in the seventh issue.

Special mention should be made of those individuals who submitted lengthier contributions, such as Thomas R. Beyer, Jr. and Victor Fedjuschin. We thank Professor Beyer for also providing the original letter in Russian from Belyj to Maria von Sivers of 1912. By coincidence, both contributors offered materials in what turned out to be complimentary contributions on the same letters. Christy Barnes kindly offered a selection from her new publication, *Reminiscences of Steiner*, drawn from memoirs by Belyj, Turgeneva and Voloshina.

We welcome new ideas for inclusion in future issues. Thank you for your support and continuing interest. Please keep us up to date on your research activities.

The Seventh Annual Belyj Society Meeting

The seventh annual meeting of the Andrej Belyj Society will be held during the 1987 AATSEEL conference in San Francisco on Monday, December 28, 1987. Here is the program:

Chairman: Olga Muller Cooke, Texas A&M University
Secretary: Steven Cassedy, UC-San Diego

"Andrej Belyj's 'Žezl Aarona' in Light of the Phonemic Distinctive Features"

M. Benjamin Rifkin, University of Michigan

"'Arbat' A. Belogo: ja i mir ob'ektov"

Lena Szilard, University of North Carolina at Chapel Hill

"Why Does Apollon Apollonovič Go for a Walk: An Aeschylean Parallel"

Peter I. Barta, Texas Tech University

"Humor, Nonsense and Neologism in *Peterburg*: Belyj's Theory of the *samovitoe slovo*"

Charles Byrd, Indiana University

Discussant: Zoya Yurieff, New York University

Because Steven Cassedy will not be able to attend the 1988 AATSEEL meeting, the Belyj Society has elected Peter Barta to replace Prof. Cassedy as President for 1988 and chairman of the next Belyj meeting. Please address your abstracts for next year's meeting to Prof. Peter I. Barta, Dept. of Germanic and Slavic Languages, Box 4579, Texas Tech University, Lubbock, TX 79409.

Belyj's Article "Žezl Aarona" in Light of the Phonemic Distinctive Features Abstract by Benjamin Rifkin

In perhaps his most important work on sound in verbal art, "Žezl Aarona" (*Skizy*, 1917), Belyj claims that specific harmonies in the combination of vocalic phonemes (such as vocalic regressions and progressions) make up poetry's breath. Belyj examines lines of verse from the poetry of Puškin, Lermontov, Tjutčev, Kljuev and others in this respect. In two lines from "The Bronze Horseman" --- "Šipen'e penistyx bokalov/I punša plamen' goluboj" --- Belyj counts 43 different sounds, 29 of which are meaningful. Together these 29 sounds offer an additional level of meaning in their unity. Belyj argues that the sound texture's meaning is conveyed because the reader, too, experiences in the harmony of sounds a series of images which Puškin, too, experienced, but did not write into his verse on the semantic level. Belyj concludes his analysis by stating that the miracle of the unity of semantic meaning, image and sound in one whole "sound-image" is the result of the blossoming of consciousness of the unknown sound.

Although at first glance Belyj's notion of the relationship between sound --- removed from its semantic context --- and meaning may seem mystical or far-fetched, much of what he said has been confirmed by later linguists using clearer technical terms and more advanced phonemic models. Reviewing Belyj's conclusions with respect to vocalic patterns in the verse he cited, we may now consider more recent developments in the understanding of the relationship between sound and meaning in verse, specifically, the distinctive feature theory as elaborated

by Jakobson and Halle. K. Taranovskij notes that "Where the sound texture acts as an undercurrent of meaning, it is usually a specific distinctive feature common to various speech sounds which serves as an echo of the sense."¹ Although the methods for analysis of the sound structure of verse used by Taranovskij, Jakobson and Halle, on the one hand, and by Andrej Belyj, on the other, differ widely, we may be surprised to find similar conclusions in certain instances. Andrej Belyj may have been unaware of the distinctive feature theory, yet it may be said that he had an intuitive grasp of the fundamental notions of the relationship between sound and meaning in poetry.

¹Taranovskij, K., "The Sound Texture of Russian Verse in the Light of Phonemic Distinctive Features," *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, IX, 1965, p. 124.

Why is Apollon Apollonovič Going for a Walk?
An Aeschylean Parallel
Abstract by Peter I. Barta

Apollon Apollonovič never goes anywhere on foot. He is afraid of open spaces--this is why he finds most relaxing those places which are securely surrounded by walls. On one occasion in *Petersburg*, however, he decides to wander about, aimlessly, in the dark, foggy October night on Vasilevskij Island. He has no business there and, normally, he avoids going over the river even during the day in fear of the revolutionary atmosphere prevailing in the lower-class areas.

This paper will offer an explanation of the riddle. Senator Aleuxov's love for geometrical forms is one of his important Apollonian attributes. In Aeschylus's *The Eumenides*, the Pythia praises the god for his role as the "highway-builder." Apollo attempts to cast out the irrational forces; indeed, the creation of the values of civilization, which is the overcoming of the dominance of uninhibited urges, is the building of walls and straight roads. The Furies, Mother Earth and Mother Night in Aeschylus's play, however, do not allow themselves to be completely shut out. Whereas the conflict is apparently resolved in the Greek play, it cannot be in Belyj's novel. Herein lies the reason for the Senator's highly unexpected desire to get lost in the Petersburg night.

**Humor, Nonsense and Neologism in *Peterburg*
Belyj's Theory of the *samovitoe slovo*
Abstract by Charles Byrd**

Although Andrej Belyj's *Peterburg* has received much scholarly attention, criticism has undervalued the novel's pervasive humor. This paper is a study of Belyj's subtle wit that questions previous emphasis on the novel's "apocalyptic symbolism" (Cioran) and qualifies popular understanding of the novelist's relationship to language. The essay begins with a brief survey of secondary literature on *Peterburg* and establishes the need for increased recognition of the novel's humorous elements. Then three ways in which the novel foregrounds humor are discussed, beginning with the framing of the novel with humorous devices, including *skaz* and scatological jokes early in the work and the ridicule of Apollon Apollonovič's senility at the end. Secondly, I discuss Belyj's parodic burlesque of the Nietzschean Apollonian/Dionysian duality examined in a recent article by Virginia Bennett but unrecognized by her as a comic parody. Thirdly, Belyj's use of the nonsensical phonological palindrome "ššnarfnë/enfransš" is analyzed in relation to the novel's central trope of *mozgovaja igra*, poorly translated, I point out, as "cerebral play" when "brain game" would remain truer to the frolicsome feminine rhyme and rhythmic assonance of the original. The paper concludes with an explanation of the way ludic elements in *Peterburg* reflect a post-Symbolist orientation to language akin to Velemir Xlebnikov's doctrine of the *samovitoe slovo* and frequently articulated in Belyj's theoretical writings, as Vladimir Markov has shown, but previously overlooked in his most important novel.

**Childhood, Death and the Mind's Grasp
on the World of Things:
Oleša's "Liompa" and Belyj's *Kotik Letaev*
Abstract by Anthony Vanchu**

This paper points out textual correspondences between Oleša's short story "Liompa" (1927) and Belyj's semi-autobiographical anthroposophical novel *Kotik Letaev* (1915-1916). These textual links occur at the thematic and symbolic levels and reflect each author's particular conceptualization of childhood and child development, as well as man's use of language and his relationship to the spiritual and material worlds.

In these works Oleša and Belyj develop reverse models of childhood development. For Belyj, birth is a fall from a prenatal existence, in which the child is "as one" with the universe, into the overwhelming chaos and discord of the physical world. This loss need not, however, be permanent; "oneness" with the universe may be recovered by the adult through the process of anthroposophical meditation. Belyj's understanding of this process amounts to a recapitulation of the Christian concept of original sin.

In Oleša's literary world, on the other hand, the child gains paradise upon birth. Unfettered by the brittle cosmology of the older generation, the child is born into an earthly Garden of Eden and experiences none of the discord with the material world felt by his elders. The child is not burdened by the need to extract himself from a flawed spiritual state and find the path to salvation. He is instead born into an earthly Paradise in which man's relationship to the

categories of time, space and gravity have been realigned through a new cosmology. In Oleša's work it is this older generation, represented in the story "Liompa" by the dying Ponomarev, that is fast losing its control over the world of things, slipping off into a chaotic abyss.

Oleša's children, as carriers of a utopian mythology, reverse Belyj's notion of the chaotic in the material world. They are not born into chaos and do not seek to regain some lost realm of higher spiritual consciousness. This new generation, represented by the characters Aleksandr and the "golyj rezinovyj mal'čik," leads a harmonious existence with the world of things.

The paper explores the notion that the word "Liompa" is a marker of the intrusion of the otherworldly and demonic into the sacral world. In this respect Belyj's novels *Peterburg* and *Kotik Letacu* provide clues to the literary origins of Oleša's use of this strange, mysterious name "Liompa" to denote Ponomarev's final terror.

Through the projection of Oleša's work against the literary background of Belyj's novel and a comparison of their respective treatments of these topics, one hopes to gain a broader understanding of Oleša's position within the literary traditions of twentieth-century Russia.

This paper will be also be presented at the San Francisco AATSEEL meeting on a panel entitled, "Russian Prose of the 1920's," on December 29, 1987.

Gogol's "Strašnaja mest'" and Belyj's Prose Fiction:
The Role of Karma
Abstract by Olga Muller Cooke

And the Lord said unto Cain, Where is Abel thy brother? And he said, I know not; Am I my brother's keeper?

And he said, What hast thou done? the voice of thy brother's blood crieth unto me from the ground.

In his *Masterstvo Gogolja* Belyj responded to Gogol's "Strašnaja mest'" by evoking the biblical account of the first murder, in which Cain kills Abel. Rather than treat Gogol's "koldun" as guilty of murder, Belyj perceives him as a victim. Severed from the community like Cain, the wandering sorcerer, according to Belyj, reenacts the trials of his past lives. Gogol's harrowing depictions of incestuous desire and murder must be viewed, thus, as just rewards for long-forgotten deeds over which the sorcerer has little control. While both authors steeped themselves in folk and scriptural literature, Belyj, unlike Gogol, treated vengeance in terms of karmic law, not Christian.

It comes as no surprise that Belyj focused on "Strašnaja mest'," for if there is any figure whose alter egos revisit the prose works of Belyj it is the koldun. "Strašnaja mest'" serves as a subtext for works as diverse as his early short stories and his "Fourth Symphony" and it figures most prominently in his final novels, *Moskva and Maski*. Gogol's tale also dominates his essays, "Lug zelenyj" and "Gogol" in the collection entitled *Lug zelenyj*. Moreover, Belyj had no qualms about attributing to Gogol' his full

debt as an artist. So important was Gogol' for Belyj that among Belyj's pseudonymous doubles are numbered "Janovskij," Gogol's family surname. Indeed, Belyj's method of dealing with his own "Gogol Complex," a term he used in *Masterstvo Gogolja*, is fully exposed in the latter work, where Belyj situates excerpts from his novels side by side with works by Gogol. Thus, in telegraphic fashion Belyj underlines the architectonic devices of Gogol's *Dikanka* tales, for example, by citing excerpts from his own *Serebrjanyj gotovb'*.

By the end of his career, Belyj created a "koldun," by the name of Mandro, whose heinous crimes far surpassed those of Gogol's sorcerer, but one who was redeemed before his death, thanks to the workings of karma.

This paper will be presented at the Gogol' Society panel during the AATSEEL conference on December 30, 1987.

**Belyj and Steiner: The Berlin Period
1921 - 1923
Thomas R. Beyer, Jr.**

The most controversial aspect of Andrej Belyj's stay in Berlin was his relationship to Rudolf Steiner. Almost everyone who knew Belyj at the time or who has written subsequently felt the urge to comment on his attitude toward Steiner. Part of the controversy can be explained by the silence of Belyj himself on this matter--a silence broken in the last ten years with the appearance of Belyj's books, *Vospominanija o Stejnere* and *Počemu ja stal simvolistom*. But even Belyj was unsure of how to evaluate his time in Berlin. "Maybe I should place a period here, because there are no words to formulate the last seven years. I'll try all the same to give not a formulation, but merely an impression of my aspirations in that period."¹

Unfortunately, even the facts of the period are difficult to establish. Two dates are firm: Belyj's first meeting with Steiner in Berlin and their final encounter in Stuttgart. Belyj arrived in Berlin on November 19, 1921. That same evening Steiner delivered a lecture on "Anthroposophie und Wissenschaft." Belyj recalls: "I get goosebumps recalling the hall filled to capacity with three thousand people, where I ended up on the first day of my arrival in Berlin and where I met with one time 'INTIMATES' and with a number of old acquaintances, and with the 'DORNACHERS,' and with Steiner."² The final meeting between the two took place on the Uhlandshöhe in Stuttgart on March 30, 1923 where Steiner had been since the 25th for an

Artistic Pedagogical Conference for the Waldorf School. This meeting is fully described by Belyj in the *Vospominanja*.⁸

It is the intervening time of eighteen months which is problematic. Factual data is scarce or difficult to obtain. Belyj's published works do not recount any further meetings between the two. L. Murav'ev speaks of "several meetings with A. Belyj in Berlin, Rudolf Steiner saw that it would be better to postpone for a while a conversation with him and set an appointment for him in Stuttgart."⁴ Steiner did in fact spend a number of days in Berlin during the two years of Belyj's stay: Dec. 17, 1921, January 26, 1922, March 5-12, 1922 and May 12 and 21, 1922. Two facts concerning the March 1923 meeting have recently come to light. Klavdija Nikolaevna Vasil'eva, who had come to Belyj's side in January of 1923, met with Rudolf Steiner in February to help effect a reconciliation,⁵ a process furthered by Belyj's letter to Marie von Sivers--Steiner on March 11, 1923.⁶

One can also turn to Belyj's publications at the time. Frédéric Kozlik has relied heavily on this approach, which Belyj also employs in *Počemu ja stal simvolistom* when he cites the publication of his article "Anthroposophie und Russland" in *Die Drei* and the books which he offered to the Anthroposophical publishing house, *Der Kommende Tag* in Stuttgart at the request of "Jult." [This is most likely a misprint for Ernst Uehli]. The house announced four volumes of *Auf der Wasserscheide*, but only Volume II *Die Krisis des Gedankens* translated by Helene Bidder ever appeared. Kozlik goes on to cite Belyj's response to an article by Dr. Hans Leisegang in the journal *Beseda* in which Leisegang had criticized the

"mystical" teachings of Steiner. It should be noted, however, that Belyj's response is dated May 1923 from Harzburg, two months after his meeting with Steiner.

There are other minor biographical items which can indicate Belyj's true relationship to Steiner. The first is a curious note in *Dni*, the Berlin Russian language daily with which Belyj was closely associated:

Izvestija announces: Andrej Belyj has published a pamphlet "Doctor Donner" against Doctor Rudolf Steiner, in connection with a major confrontation between Steiner and Belyj. This confrontation, extremely indicative of the contemporary collapse of bourgeois culture, occurred, allegedly, on the grounds that the notorious founder of Theosophy, Rudolf Steiner, has instead of theosophy been engaged in speculation, has opened shop and is trading boldly.

In this announcement of *Izvestija* only the word "allegedly" is accurate. Rudolf Steiner did not found Theosophy, and Andrej Belyj has not published a pamphlet "Doctor Donner."⁷

Doctor Donner would, of course, rear his ugly head in the "Moscow" novels. Belyj once again in *Počemu ja stal simvolistom* calls the slander ("kleveta"): "that I had written a *paskvil'* against Rudolf Steiner "DOCTOR DONNER" (the theme of a novel, depicting a Catholic Jesuit, a theme directed against ecclesiastical traditions), and people believed the slander." (115)

The other article was published in February 1923,

a full month before the meeting with the Doctor. It concerned the burning of the Goetheanum, which had been destroyed on Dec. 31, 1922. This building, the showpiece of Anthroposophy in Dornach, had been built with Belyj's assistance in the years 1914-1916. He was profoundly affected by the destruction of the building.⁸ He echoes these sentiments years later: "the fire at the Goetheanum, which I had constructed with symbolic gesture and the giving of my life."⁹ Vera Lur'e remembers him complaining that part of his head had perished with the structure. Mixail Osorgin noted: "Belyj believed that the Goetheanum was a new temple of love, the perfect peace and the brotherhood of people. He suffered greatly when the temple burnt down."¹⁰

These are the facts which are seemingly inconsistent with the virulent nature of the portrayal of Steiner and Belyj's utterances concerning him in other accounts. Only two deserve special comment: Marina Cvetaeva and Vladislav Xodasevič. (Konstantin Močul'skij's work was based primarily on their recollections.) Both came to Berlin in mid-1922, at a time which came immediately after a traumatic parting between Belyj and his wife Asja, an event not totally unconnected with Steiner.

The bond between Belyj and Asja was as much "spiritual," "mystical" and "occult" as it was physical. Thus, it may defy a complete rational explanation. The intensity of the experience and Belyj's faith in the reality of this mystery are beyond doubt. Belyj had come to Köln on May 5, 1912 from Brussels together with Asja expressly to see Steiner. Their meeting was occasioned by a series of mutually shared dreams and "mystical" events and perhaps hallucinations. Arriving

in Köln Belyj wrote a letter in Russian to Maria von Sivers requesting an audience with the Doctor.¹¹ In spite of the demands on Steiner's time he granted the two of them an audience, which resulted in their association with him and the Society.

Belyj described the power of Steiner and the curious nature and the events leading up to this encounter in a letter to his friend Aleksandr Blok, written on May 14, 1912.¹² At the time he asked "Let this letter remain between us..." The letter is briefer than Belyj's memoirs of the event in 1923, but there are more intimate details such as the shared hallucination of smells, etc. One inconsistency is the number of the house identified as 79 in the letter and 76 in the memoirs.

These intimate experiences which had previously been revealed only to a handful of close friends, were now presented publicly in "Iz vospominanij" in *Beseda*, a journal edited by Maksim Gor'kij, Vladislav Xodasevič and Belyj. The motives for this public declaration of private mystical experiences are unclear. Belyj notes that he has maintained a silence for ten years "Because in the period of my fanatical relationship to Steiner the recollection of these facts, so numerous, would force people to shake their heads with pity: and consider us --- at best, insane; at worse --- charlatans." The "us" is of course a reference to him and Asja, whom Belyj call upon: "Maybe the facts are not as I have described them; but let A. A. Turgeneva who experienced them together with me correct me."¹³ Was Belyj seeking revenge for Asja's rejection of him? Or was it simply a continuation of the process of memoirs which Belyj had begun after the death of his friend Aleksandr

Blok, and which increasingly occupied his time before and after his arrival in Berlin? Did his letter to Blok some ten years earlier stimulate his memory? Many of the details are remarkably exact.

At any rate, the bond to Steiner was a particularly close one for Belyj. Another complicating factor, perhaps subconscious, was Belyj's dependence upon Steiner as a father figure. Nina Berberova comments that Belyj who had been looking for a father eventually found one in the Doctor. Belyj in his *Vospominanija o Stejnere* calls his rebirth an "usynovlenie." Whether Steiner was aware of this hero worship is not clear. Had he known, their first meeting in Berlin might have been different. The November 19, 1921 encounter had long been known only from Xodasevič's account and only later from Belyj's *Počemu ja stal simvolistom*:

under the circumstances of the condition of my state of mind, it is clear, all my intentions, sets of questions, meetings, all fell through; to Steiner himself, who asked me "Well, how are things?" I could barely answer with a frown, constraining my facial muscles under a pleasant smile: "Difficulties with the Residency Office." And this was the extent in 1921 of the conversation which I had cherished and had been so necessary for me in every way for five years. (114)

The resulting frustration of his expectation apparently gave way to the "obmorok" of two years in Berlin. Belyj had clearly awaited a triumphant reunion with Russian embraces and was taken aback by the polite, and perfectly correct by German

standards, greeting. He probably expected some special communication between the two, which had occurred before in Belyj's life, and his belief that they were on a similar intellectual, spirital wave length. "I WAS SICK." This explanation of the haze which followed refers to the attempt to lose himself in "wine, women and song." As he had so many times before, Belyj later tried to rationalize his conduct, always in his self-centered world seeing the fault somewhere else, on those who failed to understand him. There is something pitiful about this "bald BABY" who continually offended those closest to him, and yet his own words explain the fascinating side of his character:

The first monkey gone insane is a man, the first man to lose his mind is a genius; and the first genius who boldly loses his mind, surpassing the genius in himself, and recognizing it, he is a consecrated one.¹⁴

He was certainly a "mad-genius" or a "genius-madman." The tie to Steiner essentially unbroken from 1912 demands that all of Belyj's work be examined with an appreciation of Anthroposophy and the profound impact of Steiner—without such an appreciation there can be no understanding of those works which still remain inaccessible to most readers.

Appendix I

Esteemed Maria Yakovlevna,

Excuse me for taking up your time with this letter. But it is very important for me to see you. I do not know how long my stay here will last; but before my departure for Russia I need your advice on the cultural work with which I will be inescapably connected in Russia. Of course, -- I have some personal questions--but they are not the main thing; I have been in Germany for 15 months already and have not had an opportunity to see you and Doctor Steiner for a long time; I think the necessity to see you and speak with you has for me not only a subjective sense, but an objective sense as well.

K. N. Vasilieva has conveyed to me a portion of her conversation with you, concerning your words about me: with bitterness, almost with an internal groan I said to myself: "A Misunderstanding, a Misunderstanding!" Rumors, slander, personal opinions--are one thing; the objective facts are something different. If I had been an enemy of Anthroposophy I would not have written what I am writing; judge me by the facts of my public activity, and not on the basis of "*slander*" about me. Yes, I am bitter and it has not been easy for me; and I have borne much bitterness these fifteen months; I had the impression that in the course of my five years of work in Russia I had been beyond the threshold of the Society (I didn't leave, but they "*left*" me). You may ask how this subjective impression was created--if you wish. But it is not the "*personal*" that compels me to ask for a meeting with you, but something *objective* (my work in Russia, where I will certainly

soon end up).

K. N. Vasilieva will be kind enough to drop in on you tomorrow, Monday, for a reply at four o'clock. Accept my assurances of complete respect.

Boris Bugaev, Sunday, 11 March [1923]

Appendix II

Hotel St. Paul--Cologne
across from the Cathedral and Train Station

Cologne, the.....191...

Esteemed Maria Yakovlevna,

Don't be surprised by my letter.

I have known you for a long time through our mutual acquaintances (A. P. Mintslova, M. V. Voloshina, K. P. Khristoforova); and I know of you through letters from my friend, Ellis. Therefore I am addressing myself directly to you with the surprising request that you convey to the Doctor our (mine and my wife's) urgent desire to see him. I have needed to see and speak with the Doctor for about a year; today that need has become an absolute necessity. While in Brussels, my wife and I asked throughout Moscow for information on the whereabouts of the Doctor. On the third I received news from A. S. Petrovsky in Moscow that the Doctor would be in Cologne from the sixth to the eighth. And so we have come here from Brussels.

We have to depart on the morning of the eighth. Since I am anxious not to disturb the Doctor, I am requesting through you that the Doctor set an appointment for my wife and me today, and if that is impossible, then for tomorrow. At the same time we ask permission to attend the Doctor's lectures today and tomorrow.

Once again forgive me for the inconvenience: but, in truth, my wife and I must learn from the Doctor something upon which our actions in the near future depend.

Only a real necessity to speak with the Doctor has compelled us to come.

Accept my assurances of highest esteem.
Andrey Bely. (Boris Bugaev)

P.S. Our address. Hotel St. Paul, across from the Cathedral. Room #28.

Notes

¹Andrej Belyj, *Počemu ja stal simvolistom* (Ardis: 1982), p. 112.

²*Ibid.*, pp. 112-113.

³See Thomas R. Beyer, Jr., "Andrej Belyj's *Reminiscences of Rudolf Steiner*: A Review Article," *SEJ*, XXV, 4 (Winter 1981), pp. 76-86.

⁴L. Murav'ev, "Dva pis'ma N. A. Berdjaeva Andreju Belomu," *Mosty*, XI, 1965, p. 365.

⁵See Klavdija Vasil'eva/Bugaeva, "Erinnerungen einer Russin an Rudolf Steiner," trans. Elizabeth Ohlmann-Pusirewsky, *Mitteilungen aus der Anthroposophischen Arbeit in Deutschland*, Stuttgart, 1980-1982, pp. 134-137.

⁶See Appendix I for a copy of the letter. I am indebted to Herr Walter Kugler of the Rudolf Steiner Nachlassverwaltung in Dornach for making these letters available to me for translation into English.

⁷*Dni*, 42 (Dec. 17, 1922), p. 11.

⁸The article which originally appeared on February 28 in *Dni* has been reprinted in *ABS*N, 3, 1984, pp. 18-27.

⁹*Počemu...*, p. 116.

¹⁰Mikhail Osorgin, "Memuary izgnanika," *Vremja i my*, 84, 1985, p. 212.

¹¹Appendix II. The letter was written on May 6, 1912.

¹²Portions of this letter have been translated in English by Cindy Young and Thomas R. Beyer, Jr. in the *Journal for Anthroposophy*, XXXIV (1981), pp. 70-76.

¹³"Iz vospominanij," *Beseda*, 2, 1923, p. 98.

¹⁴*Ibid.*, p. 103.

This small article would not have been possible without the assistance of so many friends and scholars, who shared their time and thoughts with me. At the risk of neglecting someone, I still want to express my gratitude to Nina Berberova, Maria Carlson, Svetlana Geier, Frédéric Kozlik, Walter Kugler, Vera Lourie and Georges Nivat. I am also grateful to the Alexander von Humboldt-Stiftung and Middlebury College for their support of my research.

Fernsprecher
A 372 und A 4184

HOTEL ST. PAUL & KÖLN

gegenüber dem Dom und Hauptbahnhof.

Köln, den 191.....

Труфановича Марта Ингеберга,

не забывает мою работу.

Я Вас давно знаю через многих друзей и знакомых (А. П. Митин, М. В. Бончак, К. Н. Труфанович), и не забуду, когда была в Анка. Помню, когда я была в Баде и гостинице, которую я называю Домом, где я видел много людей (Будни и выходные дни). Было мне очень приятно; компания там была очень хорошей. Были в компании. В то время я была в Анка, и вы были в Анка. В то время я была в Анка, и вы были в Анка. В то время я была в Анка, и вы были в Анка.

В то время я была в Анка, и вы были в Анка. В то время я была в Анка, и вы были в Анка. В то время я была в Анка, и вы были в Анка. В то время я была в Анка, и вы были в Анка.

Документа следны и завтра.
 Буче разъ прыматъ за вурковство : то, криво,
 чина и жина нужно узнати отъ Докт^{ра} -
 ра нрото, имъ зенъ завсинакъ канце
 в. Служаваго будуще.
 Молю Якобъ вѣстнаго необходимостъ во
 ворахъ и докт^{ра} нрото самъ вача
 в. рр^а нрото.

Врѣмѣе вѣрнѣе в. нрото
 Сувѣщеніе.

Андрей Владиміръ (Горасбургскъ)

P. S. Нашъ адресъ. Котетъ. Н. Равелъ, Геденъскъ
 Демъ Домъ. № 28.

Два письма Андрея Белого к Марии Яковлевне
 Штейнер-фон Сиверс
 Публикация Виктора Б. Федюшина

Предлагаемые два письма Андрея Белого к жене
 основателя антропософского движения Рудольфа Штейнера
 публикуются на русском языке впервые. В переводе, на
 немецком языке, их издание вместе с другими письмами
 Белого и моими комментариями было осуществлено в
 Швейцарии в 1985 году. (см. Beiträge zur Rudolf Steiner
 Gesamtausgabe. Andrej Belyj und Rudolf Steiner
 Briefe und Dokumente, No. 89/90, Dornach: Michaeli,
 1985).

Адресат писем - Мария Яковлевна (Steiner-von Sivers)
 родилась во Бродлаве (Польша) в 1867 году. Провела начало
 молодости в Петербурге. 1895-1897 годы занималась
 французским декламационным искусством в Парижской
 Консерватории. Впоследствии брала театральные уроки у
 известной актрисы Марии Штраух-Шпеттини
 (Strauch-Spretini) в Петербурге. С теософией познакомилась
 через эльзасского писателя Эдуарда Шурэ (Edouard Schuré),
 чьи книги она переводила на немецкий язык. В 1900 году в
 Берлине произошла встреча Марии Яковлевны с Рудольфом
 Штейнером. Начиная с 1902 года Мария фон Сиверс становится
 близким другом и помощницей Рудольфа Штейнера в
 Немецком Теософическом Обществе и позднее в Антропософском
 Обществе. В 1914 году - брак с Рудольфом Штейнером. Мария
 Штейнер-фон Сиверс основала в 1908 году философско-
 антропософское издательство, по средствам которого
 осуществлялся выпуск книг и докладов Рудольфа Штейнера.

После смерти Рудольфа Штейнера в 1925 году задачу издания трудов основателя антропософии взяло на себя руководство писменного архива Рудольфа Штейнера, который Мария Яковлевна опекала до самой своей смерти. Издательство, находящееся при этом архиве выпускает крупнейшее письменное наследие Рудольфа Штейнера и по сегодняшний день. Во многом Мария Штейнер-фон Сиверс повлияла на развитие искусства движения тела-Египтизм, а также на антропософское декламационное искусство- *Sprachgestaltung*. Она руководила многими театральными постановками и представлениями мистерий Рудольфа Штейнера на сцене Гегенума в Дорнахе. Умерла Мария Яковлевна в 1948 году в Швейцарии. (подробно о жизни и творчестве Марии Штейнер-фон Сиверс см.: "Aus dem Leben von Marie Steiner-von Sivers," Verlag der Rudolf Steiner-Nachlassverwaltung, Dornach, 1956).

Первое письмо Андрея Белого к Марии Яковлевне по всей вероятности написано за несколько часов до их первого личного знакомства, а именно 6 мая 1912 года.

Мистические события, предшествовавшие принятию решения поехать из Брюсселя в Кельн для знакомства с Рудольфом Штейнером, а также первые впечатления от личности Рудольфа Штейнера и его ближайшего окружения Белый подробно излагает в письме к Александру Блоку от 1/14 мая 1912 г., а также в своих воспоминаниях, опубликованных в журнале "Беседа." (2, Берлин, 1923).

Местонаписание второго письма мне точно установить не удалось. Наверное оно все же было написано в Штуттгарте, где произошла 30 марта 1923 г. последняя встреча писателя с

Рудольфом Штейнером, давшая Андрею Белому неисчерпаемый духовный импульс для дальнейшей работы в России.

В это же время по всей вероятности состоялся и последний разговор Андрея Белого с Марией Яковлевной, к которой писатель всегда питал глубокое доверие и уважение. Некоторые антропософы и другие соотечественники Белого поверхностно видели в его экзальтированном поведении берлинского периода знак полного разрыва с антропософией и с Рудольфом Штейнером, и эти "слухи" повод к которым Белый несомненно подавал, конечно доходили до Марии Штейнер-фон Сиверс. Но писатель призывает судить о нем не по "сплетням", а по "фактам" его письменного творчества и "по фактам его общественной деятельности." Действительно, знакомясь с трудами Андрея Белого берлинского времени и с созданными позднее в советской России, внимательный читатель установит, что ни о каком полном разрыве с антропософией не может быть и речи: Андрей Белый до конца чувствовал себя тесно и прочно связанным с мыслями Рудольфа Штейнера, хотя по сравнению с некоторой частью других последователей Штейнера Белый имел к антропософии свободный индивидуальный подход.

Hotel St. Paul Köln
gegenüber dem Dom und Hauptbahnhof.

Köln, den.....191...

Глубокоуважаемая Мария Яковлевна,

не удивитесь моему письму.

Я Вас давно знаю через многих общих знакомых (А. П. Минцлову, М. В. Волошину, К. П. Христофорову); знаю и по письмам моего друга Эллиса. Поэтому прямо я обращаюсь к Вам с убедительной просьбой передать Доктору наше горячее желание его видеть (мое и жены). Видеть и говорить с Доктором мне надо уже около года; потребность эта ныне стала необходимостью. Будучи в Брюсселе мы с женой через Москву навели справки, где Доктор. Третьего дня от А. С. Петровского, из Москвы, я получил известие, что Доктор от 6 до 8го в Кельне. И вот мы приехали из Брюсселя сюда.

Восьмого утром надо уже нам уезжать. Боясь беспокоить Доктора, я через Вас прошу Доктора назначить с женой нам свидание сегодня, а если нельзя, то завтра. Вместе с тем мы просим разрешения посетить лекции Доктора сегодня и завтра.

Еще раз простите за беспокойство: но, право, мне и жене нужно узнать от Доктора нечто, от чего зависит наше поступка—в ближайшем будущем. Только действительная необходимость говорить с Доктором заставила нас приехать.

Примите уверение в глубоком уважении.

Андрей Белый (Борис Бугаев)

P.S. Наш адрес. Hotel St. Paul, gegenüber dem Dom.
Zimmer Nr. 28

Глубокоуважаемая Мария Яковлевна,

Простите, что этим письмом отнимаю у Вас время. Но мне было бы важно весьма видеться с Вами. Я не знаю, сколько продлится мое пребывание здесь; но при отъезде в Россию мне нужно было бы иметь несколько Ваших советов относительно культурной работы, с которой я неизбежно в России буду связан. Конечно,—у меня есть и личные вопросы,—но не в них дело; я уже 15 месяцев в Германии и доселе не имел случая видеть Вас и Доктора Штейнера; думаю, что необходимость Вас видеть и с Вами говорить для меня имеет не только субъективный смысл, но и объективный.

К. Н. Васильева передавала мне часть разговора с Вами, касающуюся Ваших слов обо мне: с горечью, почти со внутренним стоном сказал себе: "Недоразумение, Недоразумение!" Одно — слухи, сплетни, личное; другое — объективные факты. Если бы я был врагом антропософии, я не писал бы то, что я пишу; судите меня по фактам моей общественной деятельности, а не по "сплетням" обо мне. Да,

мне горько и нелегко; и много горечи я вынес за эти 15 месяцев; у меня было впечатление, что в итоге 5 летней работы в России я оказался просто порогом 0-ва (не я ушел, а меня "ушли"). Как создалось это субъективное впечатление, об этом если захотите, спросите. Но не "личное" заставляет меня просить свидание с Вами, а "объективное" (моя работа в России, куда, вероятно, скоро я попаду).

К. Н. Васильева так добра, что завтра зайдет к Вам за ответом в 4 часа в понедельник.

Примите уверение в совершенном почтении Борис Бугаев.
Воскресенье 11 марта.

Примечания

Минцлова, Анна Рудольфовна - даты жизни точно не установлены. Дочь московского адвоката слыла одной из интереснейших и одновременно загадочнейших личностей начала века. Была одна из первых учениц Рудольфа Штейнера и распространяла его идеи в русских литературных кругах (см: письма Рудольфа Штейнера к А. П. Минцловой в "Zur Geschichte und aus den Inhalten der ersten Abteilung der Esoterischen Schule 1904— 1914," Dornach, 1984). Она переводила на русский язык труды Рудольфа Штейнера, среди прочих в ее переводе вышла "Теософия" (Петербург, 1910). Минцлова была тесно связана с Вячеславом Ивановым и его окружением, а также имела глубоководное влияние на Андрея Белого, Максимилиана Волошина. Николай Бердяев подвергся тоже ее магическому действию. В 1910 году Минцлова неожиданно исчезла, после этого о ней не было никаких конкретных известий.

Волошина, Маргарита Васильевна, рожд. Сабашникова (1882-1973). Первая жена Максимилиана Волошина, ученица Рудольфа Штейнера, художница, автор известных воспоминаний "Die grüne Schlange," Stuttgart, 1968.

Христофорова, Клеопатра - содержала в Москве салон теософического направления, в котором встречались Андрей Белый и Эллис. Впоследствии стала поклонницей Рудольфа Штейнера. С Марией Яковлевной Штейнер-фон Сиверс была тесно дружна. Умерла в России в 1934 году.

Эллис (Лев Львович Кобылинский) – 1874–1947 – символист, поэт, переводчик и теоретик. С 1911 года ученик Рудольфа Штейнера, впоследствии отошедший от него. Умер в Локарно (Швейцария).

моя жена – имеется в виду Анна Алексеевна Тургенева-Бугаева (1890–1966) – многие годы спутница жизни Андрея Белого, с 1914 года – его жена. Позднее их жизненные пути разошлись. Последний раз Белый и Тургенева виделись в Штутгарте в марте 1923 года. Оставила воспоминания: "Erinnerungen an Rudolf Steiner und die Arbeit am Ersten Goetheanum," Stuttgart, 1972.

Петровский, Алексей Сергеевич (1881–1958) – "вечный жизненный попутчик" Андрея Белого. Ранний ученик и последователь Рудольфа Штейнера, переводчик трудов последнего. Активный член Русского Антропософского Общества.

Reminiscences of Rudolf Steiner Andrej Belyj and Company

Christy Barnes, editor and publisher of *Reminiscences of Rudolf Steiner* by Andrej Belyj, Assya Turgenieff and Margarita Voloschin writes to inform us of the contents of this collection, which has recently been published by Adonis Press. These reminiscences have been reprinted from several issues of *Journal for Anthroposophy*. The Belyj articles were excerpted from the German translation of Belyj's *Vospominanija o Stejnere*. There is also an excerpt from Belyj's letter to Blok concerning the first meeting with Steiner. Other articles were drawn from two of Asja Turgeneva's books, *Erinnerungen an Rudolf Steiner* and *The Goetheanum Windows at Dornach, Switzerland*, and from Margarita Voloschin's *Die grüne Schlange*. In addition to portraits and photographs of the authors, the book also contains a preface by Sonia Tomara, who heard Belyj speak in Russia and who knew Turgeneva in Dornach.

Those interested may order the book directly from Adonis Press, c/o Christy Barnes, Hillsdale, New York 12529. Make checks payable (paper \$9.50; cloth \$15.50) to Adonis Press and add \$1 for postage, 50c for each additional book.

We wish to thank Christy Barnes for permitting us to reprint the "Contents" page, as well as an excerpt by Asja Turgeneva on Belyj.

Contents
Reminiscences of Rudolf Steiner

Foreword	vii
Andrei Belyi	
About the Author, <i>Maria St. Goar</i>	1
Words of a Contemporary, <i>Sonia Tomara Clark</i>	3
The Man, Rudolf Steiner	5
Berlin and Dornach	7
Stage—Director and Actor	19
World War I and Work on the Goetheanum	37
Rudolf Steiner and the Theme of the Christ	49
A Letter to Aleksandr Blok	66
Russia, a poem from <i>Christ is Risen</i>	75
	82
Assya Turgenieff	
Belyi's Departure for Russia	83
The Group, Rudolf Steiner's Large Woodcarving	85
A New Development in the Art of Black	87
and White	95
Diagonal Shading	97
Margarita Voloschin	
Self-Portrait	107
Margarita Voloschin, <i>Henry Barnes</i>	109
Life Memories: <i>Meeting: The Time is Ripe -</i>	110
<i>The Human Being, Not Yet; Apprentice</i>	111
A Painter's Conversations with Rudolf Steiner	135

A
V

Bugaeff was deeply impressed by his parting from Rudolf Steiner, who said to him, "Many will find their way to Anthroposophy through you. Take care that when you lecture you never use the expression 'so says Anthroposophy,' but 'so I understand Anthroposophy' — for Anthroposophy is greater than anything that any *one* conception of it can convey."

*

"Was it hard?" he asked as my sister and I returned from seeing Bugaeff and Pozzo off at the station. "One doesn't know whether we'll find one another again," was my answer. "Yes, that one can't know," he repeated thoughtfully.

*

As we were about to leave after a visit with Rudolf Steiner, I plucked up courage to ask a question and began, "Herr Doctor, must I...?" "You must?" he interrupted me. "You must nothing at all. Ask yourself whether you want to, then you ought to as well, for want and ought are one and the same — one and the same," he repeated. So my question remained unanswered.

A
V

It was often so, however. You asked yourself why he had given you this kind of an answer. You had expected something altogether different. And yet

when months — sometimes years — later, you relived the conversation in memory, you had to come to the realization that his was the most direct, the fullest answer that you could have been given to the question — which had not been fully thought through and was therefore not formulated precisely.

There was a widespread rumor that Bugaëff, in the later course of his life, had taken a position of enmity toward Dr. Steiner. But in his biography, written toward the end of his life, we find various places that contradict such an assertion. Andrei Belyi describes a journey to Munich, in 1906, shortly after having overcome difficult trials of destiny. Moods like the memories of former lives, experiences of the double overwhelmed him in the Munich Augustinerbrauhaus. It was as if he experienced himself under the great dome of a cave, deep in the woods of Germany... Outside by the rising waters of the Isar River stood the "Brother" — himself?... And he describes further how he goes home through the silent streets, past the Luitpold coffee house. "In that building there is a lecture hall and in that hall, years later, I received the answer to the questions of destiny that tormented me then." So Belyi writes. The formulation of these experiences must slip through the notice of a strict censor because of his ignorance of the connections. And at another place, pointing directly to his work together with Rudolf Steiner, it reads, "Only through an earnest encounter with Goethe's scientific work in 1915 was I given insight into my youthful mistakes." Still other cautious, but distinctively formulated passages point out, for those who had known his life abroad, that Belyj had tried, between the lines, to give his friends assurance that he had remained true to Anthroposophy and to Rudolf Steiner.

"Известия", Вторник, 9 янв. 1934

Андрей Белый

Б. Пильняк, Б. Пастернак, Г. Санников

8 января, в 12 ч. 30 мин. дня, умер от артериосклероза Андрей Белый, замечательнейший писатель нашего века, имя которого в истории станет рядом с именами классиков не только русских, но и мировых. Имя каждого гения всегда отмечено созданием своей школы. Творчество Андрея Белого — не только гениальный вклад как в русскую, так и в мировую литературу, оно — создатель громадной литературной школы. Переключаясь с Марселем Прустом в мастерстве воссоздания мира первоначальных ощущений, А. Белый делал это полнее и совершеннее. Джеймс Джойс для современной европейской литературы является вершиной мастерства. Надо помнить, что Джеймс Джойс — ученик Андрея Белого. Придя в русскую литературу младшим представителем школы символистов, Белый создал больше, чем все старшее поколение этой школы. — Брюсов, Мережковские, Сологуб и др. Он перерос свою школу, оказав решающее влияние на все последующие русские литературные течения. Мы, авторы этих посмертных строк о Белом, считаем себя его учениками.

Как многие гениальные люди, Андрей Белый был соткан из колоссальных противоречий. Человек, родившийся в семье русского ученого математика, окончивший два факультета, изучавший философию, социологию, влюбленный в химию и математику при меньшей любви к музыке, Андрей Белый

мог показаться принадлежащим к той социальной интеллигентской прослойке, которой было не по пути с революцией. Если к этому прибавить, что во время своего пребывания за границей Андрей Белый учился у Рудольфа Штейнера, последователи которого стали мракобесами Германии, то тем существенней будет отметить, что не только сейчас же после Октябрьской революции Андрей Белый действительно определил свои политические взгляды, заняв место по нашу сторону баррикад, но и по самому существу своего творчества должен быть отнесен к разряду явлений революционных. Этот переход определяется всей субстанцией Андрея Белого. Он не был писателем-коммунистом, но легче себе представить в обстановке социализма, нежели в какой-нибудь иной, эту деятельность, в эстетическом и моральном напряжении своем всегда питающуюся внушениями точного знания, это воображение, никогда ни о чем не мечтавшее кроме конечного освобождения человека от всякого рода косности, инстинктов собственности, неравенства, насилия и всяческого дикарства. Андрей Белый с первых дней революции услышал ее справедливость, ибо Белый всегда умел слушать историю. В 1905 г. Андрей Белый—сотрудник социал-демократической печати. В 1914 г. А. Белый—ярый противник "бойни народов" (выражение Белого того времени). В 1917 г., еще до Октября, А. Белый вместе с А. Блоком—организатор "скифов". Сейчас же после Октября А. Белый—сотрудник и организатор ТЕО Наркомпроса. Затем—руководитель литературной студии московского Пролеткульта, воспитавший ряд пролетарских писателей. С 1921 по 1923 г. А. Белый за границей, в Берлине являлся

литературным водоразделом, определявшим советскую и антисоветскую литературу, и утверждением советской культуры, зная которой тогда он нес для заграницы. Последние десять лет—напряженнейший писательский труд, пересмотр прошлого в ряде воспоминаний, работа над советской тематикой, к овладению которой он приближался в последних своих произведениях от тома к тому. Андреем Белым написано 47 томов. Им прожита очень сложная жизнь. Все это—поле для больших воспоминаний и изучений, большой вклад в нашу советскую культуру.

"Вечерняя Москва", 10 янв. 1934

У Гроба Белого

А. Кут.

Вчера вечером в оргкомитете ССП у гроба Андрея Белого перебивали крупнейшие представители советской литературной Москвы. В почетном карауле стояли В. В. Вересаев, Ф. В. Гладков, Л. М. Леонов, Б. А. Пильняк, В. Лидин, Б. Пастернак, В. Е. Каменский, многие литературоведы, критики и др.

В речах на гражданской панихиде была сделана попытка напугать место Андрея Белого в истории русской литературы и в истории русской культуры.

От имени оргкомитета союза писателей говорил тов. В. Ермилов.

Он подчеркнул громадную утрату, какую понесла русская литература в лице покойного поэта, романиста, теоретика искусства. Андрей Белый прошел творческий путь огромной содержательности и огромной поучительности.

Художник, связанный с течениями русского буржуазного декаданса и с религиозно-мистическими настроениями и отражавший их в своем творчестве, бывший учеником главы антропософов Рудольфа Штейнера, он в то же время сумел в ряде своих замечательных произведений показать подлинный лик буржуазного общества. В своем замечательном романе "Москва" А. Белый, например, показал те звериные черты буржуазии, которые с такой силой выражены сейчас в немецком фашизме.

Художнику, который утверждал в своих сочинениях философию буржуазного идеализма, вместе с тем было дано чувствовать надвигающуюся катастрофу и гибель буржуазного мира, видеть его обреченность.

Путь, пройденный А. Белым, показывает, как лучшие люди буржуазного общества, утверждавшие в своих произведениях его философию, приходят к пониманию, что подлинная культура возможна только на путях пролетарской революции.

После тов. Ермилова говорили на путях пролетарской революции. Пастернак, Г. Санников и Л. Гроссман.

"Литературная газета", 11 янв. 1934

Умер Андрей Белый

8 января, в 12 час. 30 мин., дня умер от артериосклероза Андрей Белый.

Сообщение о смерти писателя было получено во время расширенного заседания секретариата всесоюзного Оргкомитета. По предложению г. П. Юдина память умершего писателя была почтена вставанием.

Оргкомитет тут же создал комиссию по организации похорон из Б. Пильняка, Б. Пастернака, Г. Санникова, Е. Вихрева, Н. Симмена и Н. Крутикова.

9 января тело писателя было перенесено в большой зал Оргкомитета. С 4 час. дня до 10 час. вечера был открыт доступ к телу покойного. Вечером в Оргкомитете состоялась гражданская панихида. Выступили с речами Н. Накоряков, Б. Пастернак, Г. Санников, В. Ермилов, Л. Гроссман.

Скульптор Меркулов снял маску с лица Андрея Белого. Мозг писателя передан Государственному институту мозга.

Андрей Белый родился в 1880 году. Отец его—Николай Васильевич Бугаев — был выдающимся математиком, профессором московского университета. Писатель рос в среде ученых, писателей, художников. Поступив в Московский университет, он избрал естественное отделение математического факультета. И символизм, к которому он был склонен уже до поступления в университет, вступил в борьбу с Дарвинизмом и Миллем, имена которых были тогда начертаны на знаменах русского естествознания.

В 1903 году, окончив университет, А. Белый сблизается с Бальмонтом, Брюсовым, а позднее с Мережковским, В. Ивановым и А. Блоком. В этом же году он поступает на филологический факультет, потом оставляет его и начинает сотрудничать в "Весах". В 1910-11 г. путешествует по Италии, Египту и Палестине, становится учеником Р. Штейнера, переходит от стихов к прозе. В Россию возвращается в 1916 году. В 1921 году уезжает в Берлин, где остается два года, сотрудничая, между прочим, в горьковском журнале "Беседа".

За последние годы Белым написан ряд книг (скорее мемуаров, чем беллетристики), посвященных многочисленным встречам, знакомствам, и дружба с крупнейшими представителями русской интеллигенции начала века.

Группа писателей, объединенных вокруг "Издательства писателей в Ленинграде", выражает чувство глубокого огорчения в связи со смертью крупнейшего представителя дореволюционного искусства, внесшего богатый опыт в строительство советской литературы, разностороннего и неутомимого деятеля на культурном фронте, поэта, писателя и теоретика Андрея Белого.

Федин, Слонимский, Козаков, Тихонов, Прокофьев, Тынянов, Браун, Дмитриев, Свирин, Спасский, Хаскин, Лебеденко, Черненко, Чумандрин, Сорокин, Груздев, Горелов, Лаврухин, Саянов, Чуковский, Добин, Баршев, Брыкин, Соболев, Шишков, Розенфельд, Гукровский, Берзин, Рождественский, Камегулов, Эйхенбаум, Форш.

"Литературная газета", 11 янв. 1934

Памяти Андрея Белого

К. Локс

Андрей Белый умер, оставив нам законченный писательский облик. Его литературная деятельность разнообразная и широкая, охватывает тридцать лет текущего столетия. Первые книги ("Золото в лазури", "Симфонии"—северная и драматическая) вышли в 1903-09 гг.; последние—еще вчерашний день нашей современной, советской литературы. Эти тридцать лет — целая историческая эпоха, и она вся, в той или иной степени отразилась в творчестве покойного писателя. Да, этот символист, чье имя возбуждало столько споров, нападок, часто незаслуженных оскорблений, а часто заслуженной критики, был один из самых восприимчивых в общественном смысле писателей. Его вторая, драматическая, симфония остро углубляет тему чеховской России, "Серебряный голубь" и "Петербург" — навсегда останутся в ряду литературных отражений революции 1905 года, "Москва"—символической летописью довоенных годов. Рядом с этим книги, которые условно можно назвать мемуарными, — "Котик Легаев", "Начало века" и статьи автобиографического характера о себе и о своих современниках. Оценка его творчества—вперед, а пока вспомним некоторые черты Андрея Белого, поэта, прозаика, критика. . .

Осень 1907 года. Еще слышны подземные раскаты затаившей революции. Интеллигенция на переломе. Вплоть

до мировой войны она будет кружиться в нестройном и разноголосом хороводе, отрекшись от старых богов и чуть ли не по сезонам меняя новых. Сегодня "мистический анархизм", завтра Отто Вейнингер, послезавтра Риккерт или Бергсон.

В большой аудитории московского университета литературный вечер. Выступают Андрей Белый, Анатолий Бурнакин и еще кто-то. Сочетание имен — нелепое и характерное для "текущего момента". Андрей Белый читает стихи из своей книги "Пепел". Стихи о России и революции.

Жесткие, желтые очи

Безумных твоих кабаков

.....

Исчезнет пространство, исчезнет

Россия, Россия моя.

Он молод, немногим старше своей аудитории. Бурные, долго несмолкающие рукоплескания. В этих стихах и еще не остывшая революция, и отчаяние, и несомненный декаданс. После стихов в коридоре возле поэта толпа. По какому-то поводу завязывается разговор о Пушкине и его поэмах. Анатолий Бурнакин (будущий новременский критик) позволяет себе усомниться в значении "Полтавы". Как вскипел А. Белый! — Да ведь Пушкин там прет прямо в небо!

... Осень 1910 года. Москва в страшном возбуждении. Из Ясной Поляны бежал Лев Толстой. В особняке Морозовой на Знаменке закрытое заседание религиозно-философского общества, А. Белый читает доклад о Достоевском и Льве

Толстом. Искусство и религия—такова тема доклада. Здесь все, кому принадлежало в то время "идеологическое руководство": Булгаков, Я. Грубецкой, мелькает только что приехавший Блок, и сумрачно ходит В. Брюсов. После доклада прения. — Скажите, Борис Николаевич, — расдается суровый, спокойный голос Брюсова, — почему вы хотите сделать искусство "служанкой богословия?" — Вопрос поставлен ребром. Белый отвечает длинно, запутанно и философично. — Значит, в будущем, — продолжает Брюсов, — нам придется с вами спорить о роли и значении религии в жизни человечества? — Перчатка брошена. Скоро бывшие друзья и соратники символизма разойдутся окончательно и перестанут понимать друг друга.

Зима 1916 года. Белый только что вернулся из Швейцарии "отбывать воинскую повинность". Он был там у Р. Штейнера и вместе с другими антропософами строил храм в Дорнахе. На тех же последних собраниях религиозно-философского общества он читает доклады и стихи, молитвенно воздевая руки к небу. Но иногда приходится его видеть и в других положениях. Вот на лекции Мережковского о Лермонтове кн. Евг. Грубецкой отказывает Лермонтову в праве на царствие небесное на том основании, что Лермонтов в сущности тот же Печорин. А Белый гневно набрасывается на него.

Вот в Литературно-художественном кружке во время выступления А. Белого аудитория смеется, откровенно издеваясь над ним. — Над кем смеетесь? Над собой смеетесь! — кричит А. Белый присяжным поверенным и дамам, привыкшим уже искать развлечения на выступлениях "декадентов".

Вот в "Весах" промелькнула сочувственная рецензия на марксистскую книжку. Подпись — А. Белый. Кто же он? Что означает вся эта путаница?

Статьи А. Белого о литературе и искусстве собраны в нескольких книгах. Теперь, перелистывая его "Символизм" и "Арабески", удивляешься их эклектизму, стремлению примирить непримиримое. А Белый мог привлечь в защиту символизма имена, не имеющие ничего общего между собой. Он цитирует "Упанишады" и Вундта, Риккерта и Агриппу Нетельштеймского. Они все нужны ему, всюду он ищет какого-то единства мысли.

Он был глубоко неисторичен, хотя эмоционально остро чувствовал современность. Люди с отчетливым способом мыслить, тот же В. Брюсов, не могли "принять" системы А. Белого. Сам он, вероятно, очень бы удивился, если бы услышал, что его систематика — только плод пылкого воображения. Долгое время, целые годы он искал вождя и учителя, человека, который помог бы ему оформить внутренний хаос, клочкотавший в нем. Одно время он преклонялся перед В. Брюсовым, называл его "магом" (см. стихотворения в "Урне"), но стоит прочесть его недавние воспоминания, чтобы увидеть, как изменилось его отношение к Брюсову. Потом, правда, недолго, Мережковский, периодические возвращения к Вл. Соловьеву и наконец, Штейнер. Штейнеру, если не ошибаюсь, А. Белый изменил так же, как и всем остальным. Все это совершенно естественно: Андрей Белый был и остался художником, его теоретические работы лишь постольку ценны и интересны, поскольку он говорит в них о своем живом художественном опыте. Как художник он и останется в русской литературе.

оценка его не будет ни односторонней, ни абсолютной. Теперь, когда он закончил свое творческое и жизненное дело, хочется вспомнить о самом значительном, что было у него.

Как бы ни относились к А. Белому критики, как бы справедливы ни были ее возражения, первое, что бросается в глаза при чтении А. Белого-прозаика (а он, главным образом, прозаик), — это необычайность его писательской манеры, его художественного облика. Его призвание было в том, чтобы найти особые способы словесной изобразительности и вскрыть особый душевный мир.

В этой работе он больше всего обязан писателю, наиболее близкому ему — Гоголю. "Серебряный голубь", роман, с которого начинается рост А. Белого как прозаика, целиком обусловлен гоголевской манерой.

В сущности у него всегда была одна основная тема — сознание русской интеллигенции эпохи 1900—14 годов. В каких бы преломлениях ни выступала бы эта тема, она остается неизменной. А. Белый настойчиво ищет тех адекватных методов решения задачи, которые привели его к безнадежному словесному экспериментам ("Маски"). Процесс этих исканий был длителен и сложен, ибо тот душевный мир, который нужно было вскрыть, не поддавался чеховской простоте. И символизм А. Белого есть не что иное, как опыт решения этой задачи при помощи высшей математики слова. При таком методе действительность превратилась в фантазмагорию, но не была ли она в каком-то смысле подлинной фантазмагорией? Ведь и "действительность" гоголевского "Ревизора" ничем не отличается от фантазмагории. Конец исторической эпохи — вот

тема А. Белого, разрешенная им. Отсюда его эсхатологическая настроенность, сознание обреченности. Отсюда все эти чудачки и фантомы вроде барона Тодрабе-Граабен, Аблеухова, Коробкина. И тем же объясняется неудача последнего романа — тема оказалась до конца исчерпанной и самой историей и жизнью. Когда мы поймем это роковое призвание А. Белого, нам станет ясным его стремление найти "учителя", какую-то твердую систему, скрывающую силы распада старого мира. Эту систему он искал сначала в философии символизма, потом в антропософии. Последние годы его мировоззренческих опытов еще недостаточно ясны нам, чтобы говорить о них с полной определенностью.

"Литературный Ленинград", 17 янв. 1934

Андрей Белый
Цезарь Вольпе

Смерть Андрея Белого — это смерть последнего представителя того крыла русского символизма, которое приняло и примкнуло к Октябрьской революции. Блок, Брюсов, Белый — вот три имена в русском символизме, деятельность которых тесно связана с судьбами советской литературы.

Сейчас еще трудно представить себе подлинный масштаб значения А. Белого как писателя.

Одно только бесспорно, что роль эта огромна.

Почти тридцатипятилетний период литературной деятельности Белого — это путь напряженных поисков, срывов, колебаний. В начале своей деятельности он был мистиком, учеником Владимира Соловьева, впоследствии примкнул к антропософской школе Штейнера. И нужно перечитать выступление Белого на пленуме Оргкомитета, посвященном осуждению постановления ЦК партии от 23 апреля 1932 года, для того чтобы понять, какой огромный путь прошел Белый, какое значение имела для перестройки его творчества Октябрьская революция, чтобы оценить то мужество, с каким Белый боролся с пережитками реакционного идеализма в своем творчестве.

А. Белый сам рассказал свою биографию в трех томах мемуаров: 1) "На рубеже двух столетий", 2) "Начало века" и 3) "Между двумя революциями".